

Б. Н. 92

Поехал Э

МИМОЛЕНТНОСТИ

СМЕШНОЕ дело: радуемся...

Приятель звонит: слушай, мол, только не смеяся. Сижу, мол, работаю — и вдруг улавливаю: «Надежда, мой компас земной». И представляешь, говорит, у себя, пятидесятилетнего мужика, «скупую мужскую слезу» на глазах обнаруживаю.

Я ему: так чего ж ты, дескать, стыдишься? Это ж хорошо свидетельствует и о тебе, и о песне. А он: зачемают ведь, старорежимным обзовут. Старомодным.

По мне — так хоть старосветским. Хорошее дело: радуемся. Это — по мне.

Радуемся, когда элегантная, профессионально задумчивая на телевидении появляется, скажем, Эдита Пьеха и поет свой, неповторимый репертуар. «Неповторимый» тут у меня — не чувствительная краска, в настоящем, большом искусстве все — неповторимо, все — индивидуально окрашено. А в этой индивидуальной окрашенности творчества — еще и «тона восприятия», тоже глубоко индивидуализированного, даже при ошеломляюще массовой аудитории.

Вижу улыбку печальников культуры: эк, мол, загнулся — во времена мас-

Логика возвращений

совых радений на стадионах, во времена патологической одинаковости агрессивных звучаний, ключом бьющих с экрана, — и все, пардон за заимствование из бородатого анекдота, — по голове. Какая уж тут «индивидуальная окрашенность»!

А вот такая. Самая что ни на есть настоящая Равно как и пресловутая «связь времен». Говорят, распавшаяся. Но — когда не распадалась?

Что нынче угнетает на телеэкране и в реальной нашей действительности — так это переизбыток отдельных лиц и организаций, — как водится, партийных, советских, общественных, — которые не велят существу и грядущему быть. Дело даже не в за-претительстве как «высокой болезни» нашего социального, национального и культурно-исторического менталитета. Если бы виною всему был этот самый менталитет — черт с ним, он все равно рано или поздно уходит в горы. Что до существа и грядущего — они все равно победят. Пробуются. Дело в ненависти к прошлому, в боязни его, в патологической мстительности по отношению к нему — как раз у тех, кто более всего (если слушать слова, точнее — неартикулированные взвывы) этим прошлым клянется, к сохранению его ценностей призывает.

Тут у нас пока что срабатывает жутковатым образом «Эдипов комплекс». В почти гениальном фильме Андрея Загданского «Толкование

сновидений», на днях снова показанном по телевидению, сказано почти все и почти обо всем — не хватает разве что вот этой проблемы: «Эдипов комплекс» по отношению к минувшему времени. Когда детский невроз превращается в старческую подростковость, в истерическую агрессивность стареющих людей, либо — молодых стариков, ряженых не только телесно, но и духовно. Когда слово «мать», обращенное истерически к земле и родине, превращается в подобие псевдоокультуренного, идеологизированного мата с выраженным садомазохистским оттенком.

Кстати, о земле, точнее о горах. Во второй передаче о Карибском — ракетном — кризисе 62-го года на экране возник замечательный образ генерала, трудившегося в те баснословные годы на той малой земле.

Генерал этот и рассказал, как «наши» там, на Кубе, собирались побольше уничтожить посредством ядерного удара «у них», а потом — уйти в горы. Как в кино: огородами, огородами — и к Котовскому. Партизанить, значит. И была по-своему трогательна эта ностальгическая нота «по прошлому». Охота «пострелять» соединилась тут с почти детской, навсегда затаенной, непрощенной обидой на Хрущева и Кеннеди, которые — сукины дети — «договорились»

А голос диктора напомнил, что после 62-го года почему-то сразу наступил 63-й. В нем зарубка: убийство Кеннеди А затем был и 64-й. Хрущева «сняли». Не власть — эпоха сменила «Эдипов комплекс» сработал. Ведь лидер как раз по законам этого комплекса потянул на «отца».

А я смотрю на телевидение — и умиляюсь. Там — толстушка с во-от гакими щеками и с бровями, перед которыми даже брежневские — сродни лысине над глазами. Господи, да это же Эдита Пьеха! Это — ее и моя юность. Даже еще отрочество... «Автобус, червонцы...» А затем — на том же экране — потрясающая женщина, элегантности умопомрачительной, не боящаяся быть сентиментальной, и в сантиметре этом — ум, честь и совесть... Смеется? Напрасно. Стерев или, наоборот, испачкав слова, понятия, чувства так, что и Фрейду с Загданским не разобраться на трезвой голове, мы порой делаем вид, иные же и уверены, что самый смысл потерян.

А Пьеха — поет, и в голосе ее, в стати — нормальная связь времен. Без комплексов.

И приятелю я сказал: плачь, дурак. И помни, что эти слезы дороже всех сокровищ мира.

И радуюсь уже тому, что нет на экране и в жизни подростков с галстуками либо значками, которые бы голосисто распевали: «Ельцин наша слава боевая, Ельцин нашей юности полет».

И мне нравятся пять очаровательных, талантливых лоботрясов, которые, да еще в монтажной аранжировке порою тоже почти гениального Михаила Хлебородова, вытансовывают черт-те что и в стиле «рэп» сообщают: «Секс — как это мило!» Потому что в их возрасте это — нормально. Нормальнее, чем мечтать о том, как огородами пробираться в горную ставку вождя, используя атомный гриб как естественное укрытие самой правильной в мире идеологии.

Василий КИСУНЬКО.